

18+

Арина Лорель

Голос из стены

Арина Лорель

Голос из стены

<https://litres.ru/74340487>

ISBN 9785007096010

Аннотация

В «Голос из стены» нет имён. Есть только номера. Заключённый №9004, бывший учёный Алексей Власов, приговорён к бесконечным выходам в Разломы — аномальные зоны, где реальность искажается, а память становится оружием и тюрьмой. Система стирает прошлое с помощью «якорей» — препаратов, которые уничтожают страхи, привязанности, саму личность. Тех, кто прошёл полную чистку, называют «Героями» — они улыбаются и выполняют приказы, не помня, кем были.

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Голос из стены

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-9601-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Голос из стены

Пролог

****1.ТЫ НАС НЕ ВИДИШЬ****

За слоем бетона М-300, в который замешали наш пепел вместо гравия. За арматурой, что проржавела насквозь не от воды, а от нашей тоски. За тем слоем штукатурки, который маляры «Ковчега-9» белят каждый цикл, не догадываясь, что под ним — наша кожа. Окаменевшая. Потрескавшаяся, как русло высохшей реки. Но ещё живая. Чёрт возьми, мы всё ещё живые.

Мы — те, кого не вынесли из Разломов. Те, у кого сбойнул чип. Те, кто увидел на Той Стороне не «пустоту», а лица. Те, кто побежал не назад, а внутрь.

Нас не хоронили. Нас не жгли. Нас просто... списали. Замуrowали в несущие стены «Ковчега-9», как строительный мусор, как бракованные кирпичи. Бетонный раствор заливали нам в горло, когда мы ещё пытались говорить. Нас заклали в перекрытия, чтобы система держалась прочнее. Ирония: мы — фундамент этого проклятого места.

Иногда, если приложить ухо к бетону ровно в три ночи — не в две, не в четыре, а именно в три, когда система перезагружается, сбрасывает протоколы и на минуту вырубает глушилки — слышно наш шёпот. Мы не говорим словами. У нас нет голосовых связок. Мы говорим тем, что осталось от нас:

****Запах горелого хлеба****, который мать доставала из печи, — он всё ещё тлеет в наших костях.

****Холод железа****, примёрзшего к голой спине в лагере.

****Привкус крови****, когда прикусил щёку от страха, но не закричал.

****Звук****, похожий на звон разбитой ложки о кафель, — это наш последний смех.

****2. НОМЕРА, КОТОРЫЕ НЕ СТЁРЛИ****

Мы — это №1083, который побежал. Не из трусости. Он побежал в Разлом, потому что увидел там окно. Обычное деревянное окно с занавесками в горошек. Он хотел его кос-

нуться. Его размазало по стенке перехода, но он успел улыбнуться.

Мы — это №2450, которая пела в пустой камере. Она пела «Калинку» всю ночь перед зачисткой. Голос у неё был хриплый, срывающийся, но в том пении было столько ярости, что глушилки перегрелись. Её залили бетоном стоя, с открытым ртом. Теперь в северном коридоре зимой дует сквозняк — это она выдыхает.

Мы — это №6712, который вывел на стене кровью: «Я был». Всего два слова. Он выцарапывал их ногтями три часа, пока его не отключили. Кровь вьелась в штукатурку так глубоко, что «Ковчег» до сих пор не может её закрасить. Она проступает сквозь краску, как стыд.

****Теперь здесь ты. №9004.****

Мы чувствуем тебя. Твои шаги — тяжёлые, сбитые, с лёгким шарканьем левой ноги — отдаются в наших плитах как метроном. Твои мысли пахнут мятой и электричеством. Ты не знаешь, но мята — это твоя мать, она растила её на подоконнике. А электричество — это чип у тебя в затылке. Тот, что фонит страхом на частоте 2.4 ГГц. Тот, что записывает каждый твой вздох.

****3. ТЫ — ПОСЛЕДНИЙ****

Ты будешь писать. Мы знаем. Ты будешь прятать картонки за плиткой в сортире, в щели под нарами, под матрасом, который пропах мочой и солью предшественников. Ты будешь использовать обожжённые спички вместо угля. Ты будешь думать, что это твой бунт. Что сам решил.

Но слова тебе будем шептать мы.

Не чтобы сломать. Не чтобы свести с ума. Мы не враги. Мы — твоя память. Твой генетический код. Мы — то, что система пытается выжечь из тебя дозой «Спокойствия» в утреннем пайке.

А потому что ты — последний.

Последний, кто ещё не сдал свой страх в камеру хранения. Последний, у кого зрачки ещё сужаются на свету. Когда нас залиют окончательно — когда новый слой бетона перекроет доступ к вентиляции, — именно ты станешь нашей голосовой связкой.

****Представь: стены — это лёгкие.**** Бетонные, грёбанные лёгкие. Каждый раз, когда кто-то из заключённых пишет — стены выдыхают. Выдыхают пыль, ржавую воду, окалину и наши голоса. Ты слышал нас уже. Когда просыпался от капе-

ли в трубах. Когда между ударами сердца ловил шелест, как от перелистывания сотен страниц.

Это мы пролистываем свои жизни. Мы ищем ту, что подойдёт тебе.

Нам не вернуться. Наши тела размазаны по Разломам, как краска по холсту, который никто не увидит. Но следы остались в бетоне: отпечатки пальцев на изнанке плит. Клочки кожи под ногтями — мы скребли стены перед смертью, пытаясь открыть дверь, которой нет. Слезы, которые высохли солью на арматуре и теперь по ночам разъедают металл изнутри.

Ты думаешь, спасаешь себя. А спасаешь нас. Каждая твоя запись — кирпич в стене, которая не даст системе забыть, что мы были. Системе всё равно на истину. Системе нужен порядок. А порядок — это когда нет мёртвых. Только «Герои», вернувшиеся с пустыми глазами.

****4. НЕ ДАЙ ИМ СДЕЛАТЬ ТЕБЯ ГЕРОЕМ****

Системе нужно, чтобы ты стал «Героем». Чтобы забыл. Чтобы улыбался и выполнял. Чтобы глаза стали пустыми, как окна в заброшенном доме. Чтобы чип погасил все эмоции до уровня «серый шум».

Мы не дадим. Ты услышишь нас снова. В самый тёмный час. Когда «Сестра Ноль» поднесёт иглу к шее, чтобы вкачать «Забвение». Когда капитан Рэйвен в маске с гравировкой «Слава вернувшимся» прикажет идти в Разлом глубиной 4.7. Когда тебе покажется, что за тобой наблюдают из зеркала.

Мы будем шептать: **помни.**

Помни запах пирожков с капустой, когда тебе было пять и ты обжёг язык. Помни скрип половиц в доме бабушки. Помни голос матери — она зовёт обедать, ей нужно, чтобы ты пришёл. Помни дождь, который лил в день, когда ты впервые поцеловал девочку. Помни: ты не номер. Ты не расходный материал.

Ты — Алексей. И мы — это ты. Только чуть более мёртвые. Только чуть более злые.

****5. ЭПИЛОГ****

Не бойся бетона. Бойся, что однажды перестанешь слышать нас. Потому что это будет значить — ты сам стал стеной. Твой разум затвердеет, как цементный раствор. Ты перестанешь дрожать. Перестанешь ненавидеть. Перестанешь ждать.

А стены не пишут. Стены молчат. Стены просто держат нагрузку.

Но пока ты слышишь — пока в три часа ночи твой палец сам собой стучит по изголовью койки в ритме 3/4 — ты жив. Ты — наш последний почтальон.

Мы здесь. В стене напротив твоей койки. Между вентиляционной решёткой и пятном сырости, похожим на карту мира.

****Постучи три раза.**** Три коротких. Не два, не четыре — именно три.

Мы не ответим голосом. Но вентиляция на секунду изменит тон. Или лампа моргнёт на долю мгновения.

Это будем мы.

Жди. Пиши. Не сдавай пайку.

И помни: когда ты закроешь глаза, мы будем за твоими веками. Мы — та тьма, которая не хочет причинить боль. Мы — та тьма, которая хранит тепло.

Стучи.

Глава 1

Проснулся от дыхания. Прямо в лицо. Тёплое, влажное, с запахом оружейного масла — того самого, которым мажут затворы перед стрельбой. Не «трёхслойный синтетический» из рекламы. Настоящее, чёрное, вязкое — от него пальцы скользят, а железо пахнет кровью, даже если её нет.

Глаза не открывал. Ещё думал: сейчас открою — а там потолок общаги, трещина в виде Африки, запах кофе из турки и женский смех за стенкой. Думал — это сон. Просто сон. Самый обычный кошмар, который забудется через пять минут после того, как выпьешь воды.

Не открывался. Дышал.

Потом понял — не исчезнет. К маслу добавилась моча. Старая, въевшаяся в бетон на глубину пальца. Добавился металл — ржавый, холодный, будто нож к затылку приставили. И ещё что-то. Сладковатое. Приторное. Не еда, не цветы. Страх. Застарелый, консервированный, как компот в банке. Он тут висел в воздухе плотными слоями, как туман в низине.

Ножа не было. Только голос из динамика над головой —

хриплый, с помехами, будто говорили через мокрую тряпку:

— Просыпайся, 9004.

Открыл глаза.

Потолок серый, в плесени. Пятна от углов ползут, как вены у старухи, — чёрные ветвистые линии, которые ветер времени нарисовал. Лампы горят через одну, пульсируют. *Вжик. Тишина. Вжик.* Как сердце у здания, если у здания есть сердце. Только это сердце аритмичное — то бьётся чаще, то замирает на секунду, и тогда темнота становится густой, как масло.

Сесть не вышло. Руки пристёгнуты к железу. Широкие ремни с металлическими вставками — не кожаные, а синтетические, из того же материала, что и бронежилеты. Дёрнул — они натянулись, но не поддались. Ноги тоже зафиксированы — лодыжки в стальных полукольцах, чуть выше колен — ещё одни. Попробовал подтянуться на руках, чтобы приподнять корпус — цепь лязгнула, аж зубы заныли.

— Сказано — не дёргайся.

Голос справа. Не из динамика — живой.

Повернул голову. Рядом мужик в форме цвета мокрого асфальта. Бейдж на груди — прямоугольная пластиковая карточка: «Охрана №С-447». Лицо — как телевизор без сигнала. Ни морщин, ни эмоций, ни даже усталости. Просто пусто. Гладкий, сероватый, с припухшими веками. Такие лица бывают у тех, кто слишком много видел и перестал видеть. Он стоял в двух шагах, руки скрещены на груди, в правой — короткая дубинка с резиновым набалдашником.

— Где я? — спросил я. Голос как наждак. Горло саднит — будто стекло пил. Во рту привкус меди.

— «Ковчег-9». Штрафбат. 720 циклов за подрыв стабильности.

Слова как камни в колодец. Я ждал эха — не дождался. Тишина проглотила их без следа.

— Я физик. Я не...

— *Был*, — перебил охранник. Усталость проступила в голосе, как соль на потной коже. — Теперь №9004. Запомни. Забудешь — укол, после которого запомнишь даже во сне. Больно, но эффективно. У меня три таких было. Никто не забыл.

Он отошёл в сторону, и я увидел барак. Метров тридцать в длину, столько же в ширину. Кровати двухъярусные — ржавчина на трубчатых ножках, матрасы воняют чем-то сладковатым, тухлым, как дыня, которую оставили на солнце на неделю. На нижних ярусах — люди. Не спят, не сидят. Просто *есть*. Глаза полужакрыты, руки сложены на груди, дыхание поверхностное, почти незаметное. Как в заброшенной деревне, где ветер гуляет сквозь выбитые стёкла.

— Встань на ноги, — велел охранник.

Я попытался. Ноги ватные, колени подгибаются. Ремни с лодыжек отстегнулись автоматически, с тихим шипением. Встал, ухватившись за край койки. Металл под пальцами — холодный, с зазубринами. Кто-то до меня выцарапал на нём цифры: «8170». И дальше не хватило сил.

— Иди.

Толкнул в спину, и я сделал два шага. Пол бетонный, шершавый, босыми ступнями чувствую каждую песчинку. Роба на мне — серая, колючая, как мешковина. На груди нашивка: «9004». Не вышитая, а наклеенная термическим способом — края уже отклеиваются.

Охранник вернулся. В руке — стержень с разъемом, по-

хожий на отвертку, только толще. На конце — микрокапсула с чем-то тёмным.

— Чип. Не дёргайся — перебьёт нерв. Тогда будешь писать кровью. Красиво, но неудобно.

Сердце стукнуло раз, потом пропустило удар, потом заби-лось где-то в горле.

— Что за...

— Локатор. Пульс, кортизол, окситоцин. Побежишь — 50 вольт в спинной мозг. Не смертельно, но зубы выбьешь, когда сведёт. Сто метров в секунду. Захочешь снять — рвёт каротиду. Выбор.

Он подошёл сзади. Я почувствовал холод у основания черепа — там, где волосы заканчиваются и начинается мягкая ямка. Мама гладила меня там, когда я болел. «Потерпи, Алёша, сейчас чай с малиной». Я вспомнил её ладонь — сухую, тёплую, с мозолями от садовых перчаток. Иглу не видел, но знал — она там.

— Готов? — без интонации.

Я сглотнул. Во рту пересохло.

— Нет.

Воткнул.

Боль — не острая, а глубокая. Как будто не кожу прокнули, а позвоночник насквозь. Чип проскользнул куда-то внутрь, к самому стволу мозга, и там закрепился. Я закричал — не от страха, от неожиданности, от того, что внутри черепа вдруг стало тесно. Рот заполнился слюной с кровью — прикусил язык. Потом закашлялся, и на пол упала капля — тёмная, с ниткой.

— Молодец. Почти секунду терпел. Некоторые сразу орут. Есть рекорд — четыре секунды. Парень, потом умер, но рекорд остался.

Он отстегнул остальные ремни, и я рухнул на койку. Голова кружится, перед глазами чёрные мухи. Потрогал затылок. Кожа целая, даже крови нет — микронадрез за секунду затянулся коллагеновым гелем. А под ней — твёрдая точка. Чип. Как камешек в ботинке, только внутри черепа.

— Койка четвёртая снизу, левый ряд. Ужин через два часа. Каша жидкая — овсянка с комочками, и хлеб. Не обожрись — скрутит. Туалет в конце. Бумаги нет — тряпки, ме-

няют раз в три дня. Чистые и сухие не бери — у других заберут.

Ушёл. Шаги затихли в коридоре, и дверь закрылась с глухим лязгом — тяжёлый засов, ручной.

Я сидел на холодном железе. Ноги свисали, пальцы касались бетона. Сосед по койке — мужик лет пятидесяти, лицо как сушёный гриб, кожа серо-жёлтая, в коричневых пятнах. Он спал — или делал вид, — но вздрагивал каждые пару секунд. Мелко, ритмично, будто током бьют. Вспомнил про чип — наверное, так и есть. Во сне система проверяет рефлексy, прогоняет тестовый разряд.

— Эй, — позвал я.

Молчит.

— Эй!

Тронул за плечо. Сквозь робу — горячий, как печка. И трясётся мелко-мелко, уже не от напряжения, а от привычки. Не от холода. От страха, который в мышцы врос, как корни.

— Не трогай, — сказали снизу.

Глянул вниз. Парень мой возраст, русский, стриженный коротко, почти под ноль, скулы острые, как ножи. Глаза голубые, но не весёлые — настороженные, как у зверька, который знает про капканы и обходит их по дуге. Он лежал на нижнем ярусе, под моей койкой, подобрав колени к груди. В руках — книга. Без обложки, страницы пожелтели, на корешке разводы от воды.

— Кто он? — спросил я.

— №8172. Два цикла здесь. На его глазах двенадцать человек стали «Героями». Он ещё держится, но уже не всегда отличает явь от Разлома. Иногда разговаривает с углом. В углу, говорит, его мать живёт.

Парень закрыл книгу и сел, свесив ноги с койки. У него на шее — тонкий шрам, как нитка. Старый, давний.

— Я Саша. №9008. Четыре месяца. Если ты тоже физик, как сказал — нам хана вдвойне. Умников здесь не любят.

— Откуда знаешь, что я физик?

— Слышал. Охранники между собой говорят, не знают, что у меня слух острее их раций. Ты — №9004, Алексей Власов, статья 247. Несанкционированное исследование анома-

лий. — Он усмехнулся, но без тепла. — Меня за книжки. Маркс, Оруэлл. Ты смеёшься — системы свергают книгами про свержение систем. А они не свергают. Они дают надежду. А надежда здесь — контрабанда.

Он протянул мне кусок хлеба — чёрствого, с крошащейся коркой, но настоящего.

— Держи. Первая доза «Спокойствия» высасывает глюкозу. Съешь — не умрёшь.

Я взял. Хлеб пах необычно — не магазинным дрожжевым теплом, а печью. Домашней. Вкуса не помнил, но запах включил какую-то лампочку в груди.

— Спасибо.

— Не благодари. У меня правило: отдавать новичкам, потому что сам был новичком. А на второй день пожалеешь. Сэкономь на завтра.

Я съел хлеб, разжёвывая медленно, по крошке. Во рту стало суше, но легче.

— Что здесь происходит на самом деле? — спросил я, глядя в потолок. Лампы всё мигали, и в такт им в ушах пульси-

ровал какой-то низкий гул. — Почему нас держат?

— «Ковчег» — не тюрьма, — тихо сказал Саша. — Это инкубатор. Мы — курицы. Каждый цикл четверых забирают в Разлом. Обратно возвращается один. Его называют «Герой». Награждают, кормят мясом, дают отдельную камеру. Через неделю отправляют снова. И так, пока не сломается. «Герой» — это не звание. Это срок годности.

— А если я не хочу?

— Захочешь. Через неделю без дозы «Спокойствия» ты сам побежишь туда. Станешь проситься. Потому что боль от ломки страшнее любого Разлома.

Он помолчал, потом добавил:

— Но есть способ.

Я повернул голову.

— Какой?

— Там, внутри Разлома, — это место, где чипы не работают. На секунду. На две. Если там сумеешь... не сойти с ума, не побежать, не закричать — а просто *вспомнить*, кто ты,

— система теряет управление. Двое так сбежали. Их поймали. Но они сбежали.

В воздухе что-то изменилось. Не звук, не запах — давление. Как перед грозой. Я сел на койке, прислушался. Где-то за бетоном — шёпот. Или показалось. Тонкий, едва слышимый, как шелест страниц под ветром.

— Ты слышал? — спросил я.

Саша посмотрел на меня странно. Смесь удивления и испуга.

— Что слышал?

— Голос. Из стены.

Он молчал секунд пять. Потом сказал:

— Не говори об этом вслух. Никому. Понял? Даже мне.

— Почему?

— Потому что те, кто слышит их, живут дольше. А система знает об этом. И на третий раз отправляет таких в Разлом глубже всех. Без права на возврат.

Он перевернулся на бок, спиной ко мне, и замолчал.

Я лежал на койке, смотрел в потолок. Чип гудел в затылке — не звуком, а вибрацией, которую чувствовали зубы. В голове тихо. Будто радио выключили, которое всю жизнь играло. Осталась только тишина. И та, другая, что из стены.

Не совсем, — понял я. Где-то там, за бетоном, продолжался шёпот. Слова не разобрать, но ритм — как дыхание. Три вдоха, пауза, три выдоха.

— Спи, 9004, — сказал Саша уже почти сонным голосом.
— Завтра первый выход. Отдыхай, пока есть время.

Закрыв глаза. На секунду — лицо: женщина, седая, морщинки у губ, глаза с прищуром, как у людей, которые много смеялись и много плакали. Мама. Она стояла в дверях кухни, в фартуке в цветочек, и держала половник.

Попытался удержать — растаяло. Как соль в воде. Тёплое, мгновенное, а потом пустота.

То ли «якорь» стёр. То ли сам забыл.

Не знаю, что страшнее.

В динамике над головой раздался щелчок, и голос — женский, неестественно ровный — произнёс:

— Всем заключённым. Завтра в 06:00 построение. Явка обязательна. Номер 9004 — первый на выход. Готовить к 05:30.

Я открыл глаза. Темнота. Только пульсирующая лампа над дальним углом.

— Эй, Саша, — позвал я шёпотом.

Тишина. Он не спал — я слышал, как он дышит неровно.

— Как их зовут? Ну, этих... из стен?

Пауза. Потом его голос, едва слышный, почти беззвучный:

— Странники. Мы зовём их Странниками. Но лучше не зови вовсе.

Он замолчал. И добавил совсем тихо, будто самому себе:

— Они уже пришли к тебе. Раз пришли, не уйдут.

Я долго лежал без сна. Считал удары пульса — свои и лампы. Вжик-тишина-вжик. Где-то за стеной, за слоем бетона, шёпот стал чуть громче. Я различил одно слово. Одно-единственное.

«Помни».

Закрыв глаза, прикусил губу.

Помни.

А что помнить?

Глава 2

Утром разбудила вибрация. Не звук — дрожь. Чип в затылке завибрировал с частотой, от которой заныли зубы, а в глазах зашипало, будто нарезали лук. Я сел резко, рефлексивно, и стукнулся головой о верхнюю койку — железная рама лязгнула, кто-то сверху выругался сквозь сон. В динамиках над входом щёлкнуло, и голос — синтезированный, женский, с той же интонацией, что у диктора в метро, — произнёс:

— Побудка. Построение через десять минут. Не явившиеся — доставка принудительно.

Голос как у диктора в метро. Без интонаций. Без утра, без злобы, без надежды. Просто информация.

Вокруг зашевелились. Сначала звуки — скрип ржавых пружин, шарканье босых ног по бетону, кашель, чей-то сдавленный стон. Потом движение — люди спрыгивали с коек, натягивали робы, мешковатые серые штаны и куртки с капюшонами, которые больше напоминали балахоны. У всех на спине белые цифры, нанесённые термической краской, — они светились в полумраке, как клейма. Мой номер уже был — когда я надел куртку, пальцы нащупали шершавую

нашивку: 9004. Ткань воняла хлоркой и кислым потом — запахом, который въедается настолько глубоко, что стирка только освежает его, но не убирает.

— Одевайся, — донёлся голос Саши снизу. Он уже стоял, затягивал пояс, и не глядя на меня. — И запомни: на построении не смотри в глаза охране. Не чешись. Не кашляй. Дыши тихо, через нос. У них сегодня плохое настроение — вчера двое побежали.

— И что с ними? — спросил я, натягивая штаны. Ткань оказалась грубой, как мешковина.

— Одного застрелили. Прямо на плацу, при всех. Второго в Лабораторию уволокли. Говорят, теперь он «Герой». Говорят, он даже кричал, когда его тащили. Я не видел, но слышал. Крики были нечеловеческие.

Он замолчал, застегнул куртку до самого горла. На его спине — 9008. Цифры шли по порядку. Мы были соседями не только по койкам, но и по номерам.

— Сколько нас всего? — спросил я.

— В этом блоке — сто двадцать. В «Ковчеге» — четыре блока. Плюс лаборатории, плюс казармы охраны. Может,

тысяча. Может, полторы. Никто не считает. Нас это не касается.

В коридор выходили молча. Никто не разговаривал, только шаркали подошвами и иногда кашляли — воздух был сырым и холодным, с привкусом ржавчины. Стены покрыты плесенью, которая росла пятнами, похожими на старые карты неизвестных материков. Я провёл пальцем — под ногтем осталась чёрная слизь.

— Почему так влажно? — спросил я шёпотом.

— Под нами река, — ответил Саша, не оборачиваясь. — «Ковчег» стоит на ней. Вода сочится через фундамент, через трещины в перекрытиях. Попьёшь из крана — во рту целый день металл. Привыкнешь.

Мы вышли на плац. Огромный прямоугольник под бетонной плитой в тридцать метров высотой. Света не было — только прожекторы на стальных фермах, они гудели, иногда моргали, и тогда темнота становилась плотной, почти осязаемой. Строй — человек сто, может, больше, все в одинаковых робах, большинство лысые. Я ещё был с волосами, но заметил, что почти все головы бритые — гладкие черепа поблёскивали в свете прожекторов, как камни на дне ручья.

Охрана в чёрной форме, с автоматами, лица скрыты масками из чёрного пластика, на груди бейджи с номерами и нашивками «Ковчег-9». Они стояли по периметру, пальцы на спусковых скобах, и смотрели в строй — не на лица, а на спины, на номера.

— Смирно! — рявкнул кто-то.

Все замерли. Я тоже, по инерции.

Из тени, от ворот, ведущих в Лабораторию, вышел капитан Рэйвен. Форма на нём тёмно-серая, почти чёрная, без единого пятна. Погоны серебряные, на них не звёзды — черепа. Черепа с пустыми глазницами, которые, казалось, смотрели на нас. На лице — металлический респиратор, отполированный до зеркального блеска. На нём гравировка, мелкая, почти незаметная. Я прищурился, пытаюсь разоб-
раться.

— *Gloria iis qui reversi sunt*, — шепнул Саша, едва шевеля губами. — Слава тем, кто вернулся.

Глаза Рэйвена — чёрные, без белков, как у рыбы, — медленно обвели строй. Каждый под этим взглядом будто сжимался, становился меньше. Я тоже почувствовал — холод пополз по позвоночнику, от крестца до затылка. Но не страх —

«якорь» глушил его, превращал в смутную тревогу. Что-то другое. Инстинкт, древний, животный: замереть, не дышать, когда хищник проходит мимо.

— Протоколы искупления, — начал Рэйвен. Голос глухой, из-под маски, но каждое слово врезалось в бетон, как гвоздь. — Сегодня зачитаю их в последний раз. Завтра — повторите наизусть. Если не запомните — умрёте. Это не угроза. Это констатация.

Он достал планшет с жёлтым, потрескавшимся экраном. Пальцы в чёрных перчатках провели по сенсору.

— Протокол №1. — Голос стал громче. — Каждый заключённый участвует в зачистке Разломов. Отказ — саботаж. Наказание — принудительная героизация. Это не привилегия. Это казнь, растянутая во времени.

Передо мной стоял мужик с номером 8971 — он сжал плечи, будто ожидал удара. Я не знал, что такое «героизация», но по тому, как дрогнул его затылок, понял: хуже смерти.

— Протокол №7. — Рэйвен пролистнул. — Личных вещей, записей, дневников — нет. Всё, что о прошлом — изъять и сжечь. Хранение — каторга в Разломе глубиной от 3.0. Там нет возврата. Там только тьма и те, кто в ней живёт.

Я машинально сунул руку в карман — там был обрывок картона, с которым я проснулся. Пусто. Уже забрали. Когда? Во сне? Или в тот миг, когда я потерял сознание после чипа?

— Протокол №12. — Рэйвен не повышал голоса, но каждое слово отдавалось в грудной клетке. — «Эмоциональные якоря» — каждые две недели. Пропуск — перевод в «Герои». Пропуск второй дозы — смерть. Смерть будет не быстрой. Сестра Ноль объяснит вам, как именно, если вы не поняли.

Сестра Ноль стояла сбоку, за спиной охраны, руки скрещены на груди, белый халат в бурых пятнах. Лицо пустое, как лист бумаги. Она смотрела не на Рэйвена, а на строй, на нас. Я встретился с ней взглядом — она быстро отвела глаза, словно я был для неё слишком живым.

— Протокол №18, — Рэйвен сделал шаг вперёд, и его голос стал глубже. — Искупление через страдание. Вы не для выживания. Вы для очищения. Каждый выход в Разлом — шаг к прощению. Каждый убитый аномал — молитва. Каждая потерянная память — жертва. Ваше прошлое — это груз. Разлом забирает его. Чем глубже вы идёте, тем легче вам становится. В конце вас ждёт пустота. В ней нет боли. В ней нет вопросов.

Я нахмурился. Секта? Религия? Но спросить не успел.

— Вопросы? — Рэйвен обвёл строй. Глаза остановились на мне на долю секунды.

Я не сдержался. Слово вылетело раньше, чем я успел прикусить язык:

— Что такое искупление?

Голос прозвучал громко, слишком громко для этой тишины. Несколько заключённых обернулись — я увидел испуг в их глазах, смешанный с любопытством. Саша за моей спиной замер, я почувствовал, как он перестал дышать.

Рэйвен медленно, очень медленно повернулся ко мне. Глаза сузились — не в гневе, а в интересе. Охрана за его спиной шагнула вперёд, пальцы на автоматах. Чип в моём затылке нагрелся — так сильно, что я почувствовал пульсацию. Система фиксировала стресс.

— №9004, — Рэйвен заглянул в планшет. Пальцы скользнули по экрану. — Алексей Власов. Учёный. Статья 247. Несанкционированное исследование аномалий. — Он поднял глаза. — Хороший вопрос. Ты любопытный. Это убива-

ет здесь быстрее, чем пуля.

Он подошёл ко мне. Метр. Полметра. Теперь я видел царапины на его респираторе, потускневшую гравировку, мелкие капли пота на чёрной коже маски. Пахло озоном и горелым — как после короткого замыкания.

— Искупление, — сказал он, и голос его стал тише, почти доверительным, — это когда ты понимаешь: твоя жизнь была ошибкой. Каждое твоё решение — ошибка. Каждая мысль — ошибка. Исправить её можно только службой системе. Отдать память, волю, тело. Всё, что ты считаешь «собой», — это мусор. Когда останется только номер — тогда ты искуплён. Тогда ты «Герой». Тогда ты чист.

Он замолчал. Тишина стала вязкой. Слышно было, как пищат динамики над головами, как где-то далеко капает вода.

— Хочешь быть искупленным, 9004?

Рот пересох. Язык прилип к нёбу. Я чувствовал взгляды — заключённых, охраны, Сестры Ноль. Все ждали моего ответа.

— Я хочу понять, — сказал я, и голос мой не дрогнул,

хотя внутри всё дрожало. — Это другое.

Рэйвен молчал секунд пять. Потом в его глазах — чёрных, без бликов — мелькнуло что-то. Не злоба. Не насмешка. Что-то похожее на грусть. Или усталость.

— Тогда умрёшь, — сказал он просто, как о погоде. — Быстро или медленно — выбирай. Разлом выбирает за тебя.

Он развернулся и пошёл обратно к воротам. Охрана ослабилась на долю секунды. Кто-то выдохнул.

— Построение окончено. Первый взвод — завтрак. Второй, третий, четвёртый — выход через час. Готовиться.

Нас распределили по группам. Я попал в четвёртый взвод, Саша тоже. Он схватил меня за локоть, когда мы двинулись в столовую, и его пальцы впились в кожу так сильно, что остались синяки.

— Ты идиот, — прошептал он, не глядя на меня. — Полный идиот. Никогда не задавай вопросов. Никогда. Рэйвен мог приказать застрелить тебя прямо сейчас. Или отдать Сестре Ноль. Ты знаешь, что она делает с теми, кто задаёт вопросы?

— Нет, — ответил я. — Но, видимо, узнаю.

— Ты уже узнал. Сестра Ноль забирает память. Не всю, не сразу — по кусочкам. Каждый укол — она вынимает что-то. Сначала даты. Потом имена. Потом лица. В конце остаётся только рефлекс — дышать и ходить. И тогда ты «Герой».

Столовая — длинный бетонный коридор, где свет дают те же мигающие лампы. Столы пластиковые, в царапинах и ожогах. Миски серые, ложки на цепочках, прикрученные к столу — чтобы не украли. Над каждой миской — дозатор, выдающий порцию.

Каша. Серая, жидкая, пахнет дрожжами и ещё чем-то кислым. Хлеб — чёрный, тяжёлый, в нём опилки, они скрипят на зубах. Я ел медленно, чувствуя, как чип следит за моим пульсом.

— Ты думаешь, я зря спросил? — сказал я Саше, не поднимая глаз.

— Зря, — ответил он, хлебая свою порцию. — Здесь выживают те, кто умеет молчать. Те, кто перестаёт быть человеком. Мы все на пути к этому. Вопрос только в скорости.

— А ты? — я посмотрел на него. — Ты уже перестал?

Саша отложил ложку. Голубые глаза его были пустыми, но в глубине — что-то тлело. Искра.

— Я пытаюсь не перестать, — сказал он тихо. — Поэтому я всё ещё здесь. Но с каждым циклом искра гаснет. Сегодня утром, когда Рэйвен говорил о «Героях», я почти поверил. Почти захотел.

Он замолчал. Я доел кашу. Чип снова нагрелся — дольше, чем в прошлый раз. Система изучала меня, записывала реакции.

Через час мы стояли перед воротами в Разлом. Тяжёлые стальные створки с гидравлическими замками, покрытые накипью и ржавчиной. Воздух перед ними пах озоном — резко, сильно, как после грозы. Прожекторы тусклые — даже их свет не мог проникнуть в щель между створками. Чернота за ними просто жрала его, как чёрная дыра.

Рэйвен уже был там, в полной экипировке. Он надел респиратор (я понял, что никогда не видел его лица), проверил автомат, пересчитал патроны в подсумке.

— Четвёртый взвод. Разлом 1.5. — Его голос через маску звучал ещё глуше. — Первое задание для новичков. Работа-

ем парами. Не отходить дальше трёх метров друг от друга. Шёпот — стреляйте на звук. Своё отражение — бегите, не думая. Если начнёт звать по имени — не оборачивайтесь. Поняли?

— Поняли, — нестройно, вразнобой.

— Тогда — вперёд.

Гидравлика зашипела, створки разошлись с протяжным скрежетом. За ними — ничего. Абсолютная тьма, плотная, липкая, как патока. Она не просто закрывала обзор — она давила на кожу, проникала в лёгкие, оседала на языке.

Я сделал шаг. Саша — рядом, на полметра ближе, чем требовал протокол.

Шагнул — и тьма обняла меня за плечи. Как мокрая простыня.

Чип замолк. Я не сразу понял — он больше не вибрировал. Исчезло даже то фоновое гудение, которое я привык считать тишиной.

И тут начался шёпот.

Не извне. Изнутри. Голоса звучали в голове, но не мои — чужие. Тонкие, переплетённые, как провода. Я различал слова, но они менялись каждую секунду. «Вернись», «не иди», «помни», «забуди», — шелестело вокруг.

— Саша, — позвал я, не оборачиваясь.

— Я здесь, — ответил он, но голос его доносился будто из другой комнаты.

— Я слышу их.

Молчание. Потом его голос — уже ближе:

— Не слушай. Это просто помехи. Иди за мной.

Но я не мог не слушать. Один голос стал громче. Женский. Молодой. Он пел — тихо, монотонно, колыбельную, которую я не знал, но которая отдавалась в костях.

И вдруг я увидел свет. Не прожектор, не лампу — тусклое мерцание, в десяти метрах впереди. Там стояла фигура. Женская. В белом платье, с распущенными волосами, она смотрела на меня. Лица не было — только гладкая, серая кожа, как у манекена.

— Беги, — сказал Саша. — Сейчас!

Я не побежал. Я смотрел. И женщина подняла руку — и указала пальцем на меня. Из её рта, которого не было, вырвался голос:

— Ты — не первый. Ты — последний. Возвращайся. Мы не хотим тебя здесь.

Я отступил на шаг. Саша схватил меня за плечо и рванул назад.

Мы выбежали из Разлома, как из воды. Свет прожекторов ударил по глазам. Я зажмурился. Чип снова ожил — загудел, загремел, записал всё.

Рэйвен стоял перед нами, скрестив руки.

— Что видел? — спросил он.

Я открыл рот, но слова не шли. Я слышал только шёпот, который остался в ушах.

— Женщина, — выдохнул я. — Она сказала: «Ты последний».

Рэйвен замер. Впервые в его глазах я увидел эмоцию. Страх.

— Закрой ворота, — приказал он охране. — №9004 — в Лабораторию. Сейчас.

Охрана подхватила меня под руки. Я не сопротивлялся. Только смотрел на закрывающиеся створки, за которыми осталась та, что знала моё имя раньше, чем я сам.

Саша крикнул что-то вслед, но я не разобрал.

Шёпот не прекратился. Он стал громче.

И я понял: Разлом говорил не со мной. Он говорил через меня.

Глава 3

От построения до выхода — очередь в медблок. Это ритуал, как чистка зубов перед казнью. Сестра Ноль проверяет «якорь» — без него в Разломе паника накроет через минуту, сожмёт лёгкие, выключит разум, оставит только животный крик. Я видел таких — они возвращались с пустыми глазами и мокрыми штанами, их уводили в Лабораторию, и больше я их не видел.

Дверь герметичная, с круглым окошком из армированного стекла. За ней — запах спирта, хлорки и того сладкого, что вьелся в матрасы. Формалин? Или что-то другое, что используют, чтобы консервировать то, что нельзя называть живым. Очередь двигалась медленно, как патока. Я стоял, считал удары пульса — чип транслировал их куда-то, в систему, в чёрный ящик, где решалась моя судьба.

Передо мной мужчина, №8965, лет сорок, лицо в глубоких морщинах, будто его мяли и не разгладили. Трясётся мелко, как осиновый лист.

— Первый раз? — спросил я, чтобы заполнить тишину.

Он обернулся — резко, будто я ударил его по спине. Лицо

серое, глаза красные, белки жёлтые, как у старой бумаги.

— Седьмой, — голос сиплый, с хрипотцой. — Она меняет препараты. Без предупреждения. Каждый раз новый коктейль. Вчера один парень заговорил на суахили. Он никогда не был в Африке. Никогда не слышал этого языка. Но после укола — говорил три часа, пока не отключился.

— Откуда? — спросил я, хотя знал ответ.

— Ей вкололи чужую память, — он сплюнул на пол, серый комок слюны. — Эксперимент. Она ищет, что лучше подавляет волю. Мы — подопытные кролики. Только кроликов не заставляют идти в Разлом с пустым черепом.

Дверь открылась, вышел штрафник — номер 8991, я запомнил его по шраму на шее. Лицо спокойное, слишком спокойное. Глаза — сквозь всё, как у рыбы на прилавке. Он прошёл мимо, не глядя ни на кого, и его шаги были ровными, механическими.

— Свежий «Герой», — сказал кто-то сзади, — через месяц будет улыбаться. Через два — забудет, как зовут мать. Через три — умрёт с улыбкой.

Динамик над дверью щёлкнул: — №9004, заходи.

Я шагнул вперёд. Дверь тяжёлая, обшитая металлом, резиновый уплотнитель по краям, чтобы ни звука не проходило. За ней тишина — не та, что в бараке, а вакуумная, стерильная. Только моё дыхание и жужжание люминесцентной лампы над головой.

Сестра Ноль сидела за столом. Халат свежий, белый, без единого пятна — я помнил бурые разводы на нём в прошлый раз, но сейчас он был девственно чист. Волосы в пучок, но пряди выбились, как у женщины, которая не спала двое суток. Без очков я увидел её глаза — серые, с золотыми крапинками, как у кошки, которая смотрит на мышь не с голодом, а с любопытством.

Она смотрела на меня так, будто ждала. Не как на номер, а как на письмо, которое боялась открыть.

— Садись, — указала на кушетку, покрытую бумажной простынёй. — Раздевайся до пояса.

Я снял куртку и робу до груди. В кабинете было прохладно, кожа покрылась мурашками, и я заметил, как она смотрит на мои рёбра — они выступали слишком отчётливо. Недоедание. Неделя без нормальной еды. Она подошла, и я уловил запах. Мята. Живая, резкая, из тех, что растут на

подоконнике. Откуда здесь, в бетонном гробу, взялась мята?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.